

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ПЕРФЕКТА НА *-ШИ* В ПАМЯТНИКАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА

© 2018 г. М. В. Скачедубова

Аспирант Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
119019, Россия, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
maria-anna2121@yandex.ru

Дата поступления материала в редакцию 10 мая 2018 г.

ON THE REFLECTION OF *-SHI* PERFECT IN THE NORTHWESTERN MANUSCRIPTS

© 2018 Maria V. Skachedubova

Postgraduate at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka, Moscow, 119019, Russia
maria-anna2121@yandex.ru

Received by Editor on May 10, 2018.

Русской диалектологии хорошо известен факт наличия в современных русских северо-западных говорах так называемого “нового” отпричастного перфекта на *-ши*, однако вопрос о времени его возникновения и отражении данного диалектного явления в письменных памятниках освящен довольно слабо и до конца не решен. Между тем, в Новгородской первой и Псковских I и III летописях встречаются сочетания глагола *быти* с причастием прошедшего времени, имеющие результативное значение. На наш взгляд, можно утверждать, что именно к ним восходит северо-западный перфект. Небольшое количество подобных конструкций, обнаруживаемых, однако, и в древнейших летописях, а также аналогичное употребление причастий в балтийских языках позволяет предположить, что они изначально являлись свободными синтаксическими сочетаниями, а не средством выражения морфологического значения. Лишь позже, с формированием в ряде диалектов категории результативности, обсуждаемые конструкции начали использоваться как морфологическое средство.

It is well known that in modern Northwestern dialects of the Russian language there is a grammatical category of *-shi* perfect, which is used to express result. However, there is no unanimous opinion about the time of its origin and its reflection in Old Russian manuscripts. In the Novgorod I Chronicle and in the Pskov I and III Chronicles, we have found constructions, which consist of the verb *to be* and the past participle and where the result semantics is obvious. Consequently, both in form and in meaning, the use of these constructions corresponds to what the dialect material has to offer. Apparently, they were essential for the subsequent development of modern Northwestern perfect. An extremely small number of examples found in texts indicates that these constructions originated in the sphere of syntax and only later were incorporated into morphology.

Ключевые слова: результативное значение, северо-западный перфект, причастие прошедшего времени.

Key words: Northwestern perfect, past participle, resultative.

DOI: 10.31857/S241377150002548-5

1. Формы на *-ши* в современных северо-западных говорах

Как известно, современным русским говорам свойственно отличное от литературного языка употребление отпричастных форм на *-ши*, а именно, их использование в предикативной функции. Хотя данное явление “нельзя считать исключением ни для какой группы русских говоров” [1, с. 118], оно характеризует, прежде всего, говоры северо-запада, в которых широко распространена “конструкция с неизменяемой формой краткого действительного причастия прошедшего времени на *-ши* (чаще именуемой деепричастием), употребляющейся в функции глагольного сказуемого со значением перфекта, типа *он вставши, цвет облетевши*” [2, с. 156]. При этом при причастии может быть глагол *быть* в настоящем времени: *она же здесь вышевши есте* (замуж), *мы не ездивши естя со своей деревни* [1, с. 181]. Неразрывны с этим явлением сочетания со вспомогательным глаголом в прошедшем времени (*были обобравши*), которые представляют аналитическое предпрошедшее и также имеют значение результата, но отнесенного в план прошлого: *Я вставши была, как Павел-от проснулся* – “я бодрствовала в тот момент, когда проснулся Павел” [2, с. 161]. Кроме того, как показывают И.Б. Кузьмина и Е.В. Немченко, причастия могут выступать в сочетании и со связкой в будущем времени, и в форме ирреального наклонения, ср.: *грибы не будут прошотци; он был бы лягши, если чахотка* [1, с. 181]. Таким образом, в отношении северо-западных говоров можно говорить о грамматической категории перфекта, которая включает в себя три временные формы и форму сослагательного наклонения [1, с. 219].

2. К истории вопроса о происхождении северо-западного перфекта

Единого мнения о времени происхождения данного диалектного явления нет. А.А. Потеня и В.И. Трубинский относят его возникновение к периоду балто-славянского единства, потому что подобные конструкции очень распространены в литовском и латышском языках [3, с. 138; 2, с. 172], в то время как И.Б. Кузьмина и Е.В. Немченко считают такой перфект “новообразованием последних веков” [4, с. 411]. П.С. Кузнецов полагает, что такие формы могли развиваться только после принятия на себя старым перфектом функции прошедшего времени [5, с. 246–248]. Г.А. Хабургаев отмечает, что изоглосса “нового” перфекта совпадает с изоглоссами структурно не связанных между собой явлений, развив-

шихся не позднее XII в. [6, с. 337–338]. “Причиной такого разногласия является отсутствие надежных примеров в памятниках” [7, с. 104].

В литературе проблема отражения или отсутствия северо-западного перфекта в письменных памятниках освещается довольно слабо. И.Б. Кузьмина отмечает, что северо-западные памятники старорусского периода в отношении синтаксиса причастий ничем не отличаются от памятников, созданных на других территориях [4, с. 411].

На предмет отражения диалектного функционирования причастных форм А.В. Зубковой была исследована Псковская III летопись по Строевскому списку (далее Пск. III Стр.) [7]. Автор приходит к выводу, что, вопреки устоявшемуся мнению, в летописи имеется ряд контекстов, которые “обнаруживают некоторое сходство с современным диалектным употреблением причастий, а в ряде случаев позволяют провести между ними и прямые параллели” [7, с. 104]. На наш взгляд, однако, те особенности в употреблении причастий, на которые указывается в статье, нельзя считать исключительно северо-западным относительно поздним диалектным явлением и косвенным доказательством существования “нового” перфекта в то время, как это делает А.В. Зубкова. Так, автор рассматривает примеры “употребления самостоятельного подлежащего при сказуемом, выраженном формой причастия прошедшего времени” [7, с. 105], например:

1) Пск. III Стр. Л. 66 В лѣто 6936. Псковичи миръ потвердивше с местеромъ и съ юрьевичи и со всею землею Немецкою по старому крестному целованию а без Новагорода а новгородци не помогоша ничимъ;

2) Пск. III Стр. Л. 102–102 об. ...и отбѣгоша <Немцы> от городка и запас помѣташа и посадник Федоръ и Тимофеи со псковичами бывъ городкою неделю а Немци не рядя того что...

Указывая на примеры употребления причастия в качестве самостоятельного сказуемого при подлежащем в северо-западных говорах (ср. *пришли бумаги, что убивши его*), А.В. Зубкова приходит к выводу, что именно такое инновационное употребление причастий в живой речи спровоцировало их появление в Псковской III летописи.

В действительности же, такое функционирование причастий прошедшего времени является характерной особенностью древнерусского синтаксиса и известно еще древнейшим древнерусским памятникам разного территориального происхождения. А.А. Потеня назвал данный вид конструкций именитель-

ним самостоятельным [3, с. 199]. Они регулярны, например, в Ипатьевской летописи (ИЛ), памятнике юго-западного происхождения¹: ИЛ. Л. 124 И пришедь Изяславъ Мьстиславичъ къ Киеву, и бѣ Игорь разоблѣлся в порбѣ и бѣ боленъ велми; ИЛ. Л. 203 об. Андрей же то слышавъ, и бысть образъ лица его попустнѣль. Таким образом, Псковские летописи не являют собой исключения, а продолжают предшествующую традицию.

Кроме того, многие контексты из летописи сравнивать с диалектными примерами употребления “нового перфекта” кажется некорректным. Так, очевидно, что в примерах 1-2 едва ли можно говорить о результативной семантике и проводить параллели между летописным “*Псковичи миръ подтвердивъше с местеромъ... а Новгородци им не помогоша*” и диалектным “*пришли бумаги, что убивши его*”. В диалектном примере, в отличие от примера из Пск. III Стр., налицо результативное значение: пришли бумаги, сообщающие о том, что он убит. Конечно, в ряде случаев причастие в летописях имеет значение результата, например:

3) Пск. III Стр. Л. 118об. – 119 тоя же весны приехавъ от великого князя с Москвы князь Федоръ Юрьевичъ месяца...и псковичи и все священство выидоша противоу его съ кресты и посадиша его на княжении... [7, с. 106] – если “перевести” данный фрагмент на диалектный язык, получится абсолютно нормальная фраза: “*князь приехавши (был) с Москвы в месяце...и псковичи вышли навстречу*”. Правда, как показывает материал, “новый перфект” не употребляется при обстоятельствах, называющих время действия [2, с. 100]. Кроме того, тогда здесь приходится допустить пропуск связки в прошедшем времени, что, правда, не так уж редко встречается в говорах [1, с. 197]. Однако любые попытки отличить в подобных контекстах древнюю конструкцию с именительным самостоятельным, в которой значение результата могло появляться контекстуально, от “нового” перфекта будут безрезультатны, т.к. абсолютно в равной степени это может быть как одно, так и другое.

Таким образом, употребление причастий в качестве самостоятельного сказуемого при подлежащем в Псковских летописях нельзя, во-первых, считать новым явлением, характерным исключительно для северо-запада, а во-вторых, связывать его с наличием/отсутствием в языке “нового” перфекта. Это не означает, что примеры похожего употребления причастий в говорах не восходят к древнерусскому/старорусскому периоду (впрочем, этот вопрос достоин

¹ Текст воспроизводится по изданию [8].

отдельного обсуждения), но оснований считать их косвенным отражением северо-западного перфекта, нет.

3. Сочетания “*быти + причастие пр. вр.*” как конструкции, к которым, возможно, восходит северо-западный перфект

Тем не менее, в письменных памятниках есть небольшое количество примеров с конструкциями, к которым, на наш взгляд, восходит “новый перфект”. Такими конструкциями являются сочетания глагола *быти* с причастием прошедшего времени, имеющие результативное значение. На их наличие в древнерусских текстах указывает А.А. Потехня, отмечая, что они чрезвычайно редки. Исследователь приводит три известных ему примера: два примера из памятников северо-западного региона, Новгородской первой летописи старшего извода (далее НПЛ ст.) и Псковской первой летописей (далее Пск. I), и один пример из Лаврентьевской летописи, памятника, созданного во Владимиро-Суздальском регионе [3, с. 138–139]. При этом обратим внимание, что в каждом контексте мы имеем дело с выражением результата:

4) Лавр. Л. 56 об. аще ли покаявшеся будемъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ – если на момент второго пришествия люди окажутся уже покаявшимися, то будут прощены;

5) НПЛ ст. Л. 144 наѣхаша пещеру непроходну, в ней же бяхше множество Чюди влѣзше – оказалось, что в пещере уже было много людей (как результат того, что они туда влезли);

6) Пск. I, 249² Аже вы есте приѣхавъ къ Пскову, прикончивайте миръ – “если вы окажетесь в Пскове (в результате того, что туда приедете), то утверждайте мир”.

Дополним этот список примеров списком контекстов, обнаруженных нами при анализе текста Новгородской первой летописи младшего извода (далее НПЛ мл.; в НПЛ ст. такие конструкции обнаружены не были), Псковской третьей летописи по Строевскому списку и Псковской первой летописи по Оболенскому списку (далее Пск. I Обол.)³:

² Нам не удалось найти данный пример в Пск. I. При этом аналогичный контекст был обнаружен нами в Пск. III (см. ниже), однако, с разночтениями в написании.

³ Единственный список НПЛ ст., Синодальный список, состоит из двух частей, переписанных ок. 1234 г. и ок. 1330 г. Примеры из НПЛ мл., составленной в конце 30-х гг. XV в. [9, с. 246], приводятся по Комиссионному списку 2-й половины XV в. Пск. III Стр. представляет собой свод 1567 г., дошедший до нас в оригинале. Пск. I Обол.

7) НПЛ мл. Л. 42 об. [Владимир] посла къ Ровьголду Полочку, глаголя сице: “хощу поняти дщерь твою женою себѣ”. Он же рече дщери своеи: “хощеши ли за Володимира”. Она же рече: “не хощу розувати робичица, нъ Ярополка хощю”. **Бѣ** бо Рогъволодь пришед изъ заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а Турии Турове, от негоже и Турица прозвашася – Рогволод был пришедшим из заморья и, как результат, находился в Полоцке;

8) Пск. III Стр. Л. 163 об. 1474 г. “Аже вы есте приехавъ къ Псковоу приконцивайте миръ опрѣче местера, то вѣдаете вы” (данный контекст повторяет контекст 6, обнаруженный А.А. Потемной в Пск. I);

9) Пск. III Стр. Л. 152 – 152 об. 1472 г. Того же лѣта месяца октября въ 1 день пригна во Псковъ гонцемъ Николаи Лях от моря ис Колывана; а повестуа Псковоу, что царевна переехавъ море да едет на Москву... наричаемаа Софья; си боудет вамъ государина, а великому князю Ивану Васильевичю жена и княгини великаа; и вы бы ея есте соустрѣкше и приняли честно – союз и между *сустрекише* и *приняли* говорит о том, что *сустрекише* выполняет функцию самостоятельного, а не второстепенного сказуемого (т.е. предложение не нужно понимать, как “*вы бы ее, встретив, приняли честно*”). При этом, видимо, два сказуемых выступают как однородные, однако, одно из них употреблено в результативной форме. Заметим, что в данном примере мы имеем дело со структурой, которую А.А. Зализняк назвал “сослагательным наклонением II”: с использованием в ирреальном наклонении при уже ставшей неизменяемой частице *бы* связки *есте* или *еси* для указания на лицо [13, с. 143]. В нашем контексте, правда, употреблена не *-л-* форма, а причастие на *-ши*. Это свидетельствует о том, что, как и в современных говорах, причастие прошедшего времени использовалось не только по отношению к прошедшему действию. Здесь стоит отметить, что форму *переехавъ* тоже теоретически можно рассматривать в рамках конструкции “*быти* + причастие пр.вр.” и считать, что мы имеем дело с пропуском связки в настоящем времени (который чаще всего сейчас и наблюдается в говорах), тем более, что значение здесь очевидно результативное: “царевна уже здесь, переехавши море и едет в Москву”. С другой стороны, необходимо учитывать, что соединение причастия прошедшего времени с личной глагольной формой с помощью союза – абсолютно нормальная вещь для древнерусского синтаксиса

представляет собой свод 1547 г., продолженный до начала XVII в. Список датируется 1-й половиной XVII века [10]. Текст воспроизводится по изданиям [11]; [10]; [12].

(подробнее о конструкциях типа “*вставъ и рече*” см. [3, с. 188–197]);

10) Пск. I Обол. Л. 726. 1588 г. на испорученье же посла своимъ людемъ под Московское государство гетмана Хоткѣва со многими людми и з запасы, **бѣ** бо глад великъ зѣло обдержаше я [А3 обдержавъше], ядыхоу скверная и человеческая мяса – запасы еды были посланы, т.к. люди, в результате того что их охватил голод, ели человеческое мясо (в Оболенском списке мы, очевидно, имеем дело с ошибочным написанием, верный представлен, видимо, в Архивском 3-ем списке также XVII в.).

Итак, нами были обнаружены дополнительно еще 4 примера (пример 8 из Пск. III Стр. повторяет контекст 6, найденный А.А. Потемной в Пск. I), в которых используется конструкция “*быти* + причастие пр. вр.”. Можно ли считать, что “новый перфект” восходит к ней? Во всех контекстах налицо результативное значение. Интересно, что из семи примеров в четырех употреблены глаголы, обозначающие пространственное перемещение (*влѣзше*, *приехавъ* x2, *пришедь*). Как известно, именно они составляют ядро лексической базы перфектных форм на *-ши* в современных говорах [1, с. 143–159]; [14]. При этом, как и в современных говорах, причастие прошедшего времени в наших примерах употребляется со вспомогательным глаголом и в прошедшем, и в настоящем времени, и в ирреальном наклонении. Таким образом, и по форме, и по значению употребление рассматриваемой конструкции соответствует тому, что показывает диалектный материал. Поэтому, как кажется, есть основания полагать, что именно к ней восходит северо-западный перфект. Учитывая данные говоров, трудно согласиться с А.А. Потемной, который полагает, что подобное употребление причастий в летописях – уходящее явление, которое изредка проявляет себя в письменных памятниках: принимая во внимание, что такие сочетания “обычны в литовском и латышском, что они известны в немногих примерах в ст.-чешском, что они оставили некоторые следы в нынешних великорусских говорах, то будет вероятно, что их отсутствие или редкость в ст.-слав. и др.-русских памятниках – сравнительно позднего происхождения” [3, с. 138]. Скорее всего, наоборот: сформировавшаяся категория перфекта на базе причастий на *-ши* – относительно новое явление. Наличие подобных конструкций в балтийских языках не опровергает это утверждение; оно говорит о том, что возможность употребления причастий в такой функции существовала еще со времен балто-славянского единства. Такая особенность, видимо, была

характерна не только для северо-западных говоров, о чем говорит контекст из Лаврентьевской летописи. По всей видимости, на ранних этапах использование причастия с бытийным глаголом являлось особенностью синтаксиса, а не средством выражения морфологического значения. Т.е. их употребление было возможным, но необязательным и не очень распространенным.

В письменных памятниках количество подобных конструкций не увеличивается со временем (хотя очевидно, что в речи их должно было становиться все больше), возможно, из-за того, что они воспринимались как маркированные, разговорные, неуместные в летописном тексте: ведь вся предшествующая традиция являла практически их полное отсутствие. Поэтому ответить на вопрос, можно ли считать обнаруженные примеры из Новгородских и Псковских летописей отражением сформировавшегося “нового перфекта”, довольно сложно. С большой долей вероятности можно утверждать, что “новый перфект” сформировался именно на их базе, но судить по ним о существовании или отсутствии грамматической категории перфекта в языке писца едва ли возможно.

Есть один косвенный признак, указывающий на то, что рассматриваемое сочетание на момент создания Псковских летописей употреблялось в речи уже довольно регулярно. Приблизительно с конца XV века в текстах Псковских летописей становится заметно меньше причастий. По нашим наблюдениям, если в Ипатьевской летописи, в меньшей степени в НПЛ старшего и младшего изводов причастия употребляются регулярно (и как дополнительное сказуемое, и в конструкции с именительным самостоятельным), практически в каждом предложении, то в Псковских летописях, особенно с конца XV века, причастия могут не встречаться страницами. Вряд ли это является отражением фактов живого языка, т.к. говоры представляют обратную картину. Скорее всего, причастия начинают восприниматься как маркированные элементы разговорного языка, и во избежание употребления не соответствующего жанру языкового элемента их стали избегать.

4. Выводы

Таким образом, можно утверждать, что сочетание глагола *быти* с причастием прошедшего времени встречались еще в древнерусский период. При этом данная конструкция могла употребляться как в настоящем и в прошедшем времени, так и в сослагательном наклонении. Она выражала значение результата ранее произведенного действия или со-

стояние, соответствуя, таким образом, и по форме, и по значению тому, что мы имеем в современных северо-западных говорах. Поэтому есть все основания полагать, что именно к ней восходят формы “нового” перфекта. Крайне малое количество примеров в древних текстах говорит о том, что “*быти* + причастие на *-ши*” было свободным синтаксическим сочетанием, а не морфологической конструкцией. Со временем, с формированием грамматического значения результативности данное сочетание встраивается в морфологическую систему. Низкая частота употреблений в Псковских летописях каких бы то ни было причастий в принципе по сравнению с другими летописями противоречит диалектному материалу и связана, по всей видимости, с возросшей к тому времени нагрузкой на причастия в живой речи и стремлением избавить текст от нежелательных разговорных элементов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Изд-во “Наука”, 1971.
2. Трубинский В.И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984.
3. Потемня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Министерство просвещения РСФСР, 1888/1958.
4. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. Под ред. Р.И. Аванесова, В.В. Иванова. М.: Изд-во “Наука”, 1982.
5. Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М. 1953.
6. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
7. Зубкова А.В. К вопросу об отражении “нового перфекта” в Псковской III летописи // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. №5. 2010. 103–110.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Издательство восточной литературы, 1962.
9. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л.: Изд-во “Наука”, 1987.
10. Полное собрание русских летописей. Том. 5. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во академии наук СССР, 1950.
12. Полное собрание русских летописей. Том. 5. Вып. 2. М.: Языки славянской культуры, 2000.

13. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
14. Трубинский В.И. О лексической базе предикативного деепричастия в псковских говорах // Псковские говоры. Т. 1. Псков, 1962.
6. Gorshkova, K.V., Khaburgaev, G.A. Russian Historical Grammar. Moscow, 1981. (In Russ.)
7. Zubkova, A.V. On the Reflection of the New Perfect in III Pskov Chronicle. *Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology*. No 5. 2010. Pp. 103-110. (In Russ.)
8. The Complete Collection of Russian Chronicles. Hypatian Chronicle. V.2. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ, 1962. (In Russ.)
9. Dictionary of Scribes and Booklore of Old Rus. V. I. Leningrad, Nauka Publ., 1987. (In Russ.)
10. The Complete Collection of Russian Chronicles. Hypatian Chronicle. V.5 (1). Moscow, Jazyki Slavjanskoi Kultury Publ., 2003. (In Russ.)
11. Novgorodian First Chronicle. Moscow-Leningrad, Akademija Nauk SSSR, 1950. (In Russ.)
12. The Complete Collection of Russian Chronicles. V.5 (2). Moscow, Jazyki Slavjanskoi Kultury Publ., 2000. (In Russ.)
13. Zaliznjak, A.A. Old Novgorodian Dialect, 2nd Edition. Moscow, 2004. (In Russ.)
14. Trubinskii, V.I. On the Lexical Base of the Predicative Participle in Pskov Dialects. *Pskov Dialects. Vol. 1*. Pskov, 1962. (In Russ.)

REFERENCES

1. Kuzmina, I.B., Nemchenko E. V. The Syntax of Participial Forms in Russian Dialects. Moscow, Nauka Publ., 1971. (In Russ.)
2. Trubinskii, V.I. On the Russian Dialectical Syntax. Leningrad., Leningradskij Universitet Publ., 1984. (In Russ.)
3. Potebnja, A.A. From the Notes on Russian Grammar. V. I-II. Moscow, Ministerstvo prosveshchenija RSFSR Publ., 1888, 1958. (In Russ.)
4. Russian Historical Grammar. Morphology. Verb. Edited by Avanesov, R.I., Ivanov, V.V. Moscow, Nauka Publ., 1982. (In Russ.)
5. Kuznetsov, P.S. Russian Historical Grammar. Morphology. Moscow, 1953. (In Russ.)